

В.Л. МАЛЬКОВ

ПОСЛЕДНИЙ САММИТ ПРЕЗИДЕНТА ФРАНКЛИНА РУЗВЕЛЬТА.

Краткие заметки и архивные материалы

Генри Киссинджер, никогда не симпатизировавший Рузвельту, в последней большой работе “Мировой порядок” достаточно громко подтвердил свое расположение к “сильной внешней политике” президента-реформатора¹. Сегодня ему представляется вполне исторически оправданным, что к финальной стадии войны Рузвельт пришел с “мастер-планом”, цель которого состояла в том, чтобы отстоять и “сохранить прочный и справедливый мир”. А этот мир не должен был воспроизводить пороки старого порядка, т.е. держаться на балансе сил, блоковой политике и реставрации старых империй, исповедующих право избранных народов и сохраняющих в неприкосновенности систему колониальной зависимости. Вопреки мнению многих, не могло быть и речи о восстановлении послеверсальской конфигурации мира – с непризнанием Советского Союза и идеологически близких к нему стран. В новом порядке должны были найти место страны с различным социально-экономическим устройством и снят идеологический конфликт.

«Его публично провозглашенная программа, – дает Киссинджер свое пояснение к “мастер-плану” Рузвельта, – призывала к мирному разрешению споров и к параллельным действиям великих держав антигитлеровской коалиции, объединенных понятием “четыре полицейских”: Соединенных Штатов, Советского Союза, Великобритании и Китая”. Далее Киссинджер весьма категорично высказывает следующую мысль о полномочиях США и СССР действовать с быстротой и решительностью для поддержания мира, если это необходимо: “Предполагалось, что Соединенные Штаты и Советский Союз возьмут на себя руководящую роль в предотвращении нарушений мира»². Фактически речь, конечно, идет о том, что в общих контурах сложилось в Ялте и получило затем название Ялтинско-Потсдамской системы, хотя Киссинджер нигде не упоминает ни о Ялте, ни о самом термине, считая, очевидно, как это водится, его продуктом советской пропаганды, легализующим произвол победителей и судьбу побежденных. В нашу задачу не входит погружение в трактовку Киссинджером эволюции миропорядка в эпоху противостояния ядерных держав. Значительно больший интерес представляет та работающая модель восстановления и сохранения мира на базе системы коллективной безопасности, которая естественным образом в специфической обстановке конца Второй мировой войны сложилась у Рузвельта – одной из ведущих фигур стихийно возникшего альянса антифашистских держав, Большой тройки, в промежутке от Атлантической хартии (сентябрь 1941 г.) до Ялтинской (Крымской) конференции февраля 1945 г.

Мальков Виктор Леонидович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Заслуженный деятель науки.

¹ *Kissinger H. World Order. New York, 2014, p. 274, 308.*

² *Ibid.*, p. 273, 274. Эта важная тема весьма подробно разработана в книге: *Робертс А. Дж. де. Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. Проблема enforcement в 1942–1945.* Пер. с итал. СПб., 2003.

Ввиду устойчивых разногласий в западной историко-дипломатической мысли по поводу внешней политики и дипломатии Рузвельта особенно важно то, что Киссинджер фактически опровергает расхожую молву о *неподготовленности* Рузвельта к решающему саммиту в Ялте, призванному определить контуры послевоенного мира. О дипломатии Ялты, построенной якобы сплошь на импровизациях и по мере разрастания “холодной войны” объявленной предательством Запада³, пишут многие маститые историки. А между тем за удивлявшим критиков обычаем Рузвельта в одно и то же время быть открытым и непроницаемым следует видеть различные грани постоянно менявшейся мировой политики, а также вполне определившееся в ходе общения между союзниками рамочное отношение к ключевым проблемам мирного урегулирования. И еще. Киссинджер выделяет дар Рузвельта убеждать несогласных и его веру в возможность достигнуть взаимопонимания со странами, отношения с которыми никогда не были близкими. Добиться сближения и конвергенции взглядов – так определял для себя свою сверхзадачу Рузвельт в переговорах со Сталиным, с ближневосточными монархами и английскими тори, аристократами и колониальными вельможами.

Следуя этой логике, Киссинджер находит необычайно выразительное место в речи Рузвельта по случаю его четвертой инаугурации, состоявшейся в Белом доме 20 января 1945 г., после очередной победы на президентских выборах. Чтобы передать суть его мировидения Киссинджер цитирует Рузвельта, сказавшего тогда: «Мы постигли простую истину, выраженную в словах Эмерсона: “Единственный способ иметь друга – самому им быть”. Мы не сможем обеспечить мир, если будем идти к нему с подозрительностью, недоверием и страхом»⁴. Геополитический вызов 1941–1945 гг., который был выражен в дилемме нахождения среднего пути между реакцией и революцией, утверждает Киссинджер, подтолкнул Рузвельта, слегка отклонившись от Атлантической хартии, но не порывая с нею, с уважением отнестись к исторически непреходящим интересам СССР, далеко не всегда совпадавшим с идеалами классической либеральной демократии и настоящей, согласно понятиям западных союзников, “политической и социальной справедливости”. Между тем в реальной жизни отклонение от принципов Атлантической хартии, как верно отмечает У. Кимболл, допускали все члены Большой тройки: СССР – в Польше, Румынии, Венгрии и Чехословакии, Англия – в Греции, в колониях Британской империи, на Ближнем Востоке, США – в Северной Атлантике, в Латинской Америке и Италии.

О разношерстном в идеологическом плане союзе и особой миссии США и СССР, стран с прямо противоположной системой ценностей, Рузвельт говорил в беседах с журналистом А. Свитцером и В.М. Молотовым еще в конце мая – начале июня 1942 г., во время визита советского деятеля в Вашингтон, а также с английским министром иностранных дел А. Иденом в марте 1943 г.⁵ На Крымской конференции формула “четыре полицейских” преобразовалась в более благозвучную – Большая тройка. Суть дела оставалась прежней, но акцент на определяющую роль в войне и в послевоенном мире трех главных держав антигитлеровской коалиции, включая две классические страны капитализма и социалистический СССР, плюс полуколониальный Китай и, возможно, Франция сохранялся. Как известно, на самой Крымской конференции мнение Рузвельта и Сталина о статусе Франции и Китая фактически совпало. Обе эти страны, считал Рузвельт, не сразу, но обязательно займут свое место в числе великих

³ Краткая, но обоснованная критика версии о дипломатическом экспромте Рузвельта в Ялте дана в статье У.Ф. Кимболла “Версаль и Ялта: провокация или предупреждение? Американский взгляд”. – Первая мировая война XX века. Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1999, с. 213, 214.

⁴ Kissinger H. Op. cit., p. 270.

⁵ См. Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. New York, 1979, p. 342, 389–390; Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. Очерки истории международных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009, с. 304–323.

держав с решающим голосом. Таким путем будет сформировано ядро будущей структуры мира, возникшей на развалинах “жизненного пространства” стран “оси”.

В итоге международно-правовое оформление такой структуры нашло выражение в проекте учреждения единой для всего мира Организации Объединенных Наций и сформированных одновременно с нею дочерних организаций, в определении структуры Совета Безопасности и процедуры голосования в нем, а также включении Франции и Китая в число стран, совместно с США, СССР и Великобританией участвующих в приглашении других государств на конференцию в Сан-Франциско для подготовки Устава ООН 25 апреля 1945 г. Добавим, что ООН оказалась самым долговечным продуктом Ялты, оставшимся практически неизменным и работающим механизмом, способным в отличие от Лиги наций навязать соблюдение мира даже с помощью силы.

В ближайшем окружении Рузвельта знали, а чаще догадывались, что среди важнейших побудительных мотивов во что бы то ни стало добиться созыва саммита в Ялте были желание президента заручиться окончательным согласием Сталина на решение об учреждении ООН, обеспечение твердой договоренности об участии СССР в войне против Японии и польский вопрос. Время не позволяло медлить. А между тем финальная стадия войны в сфере дипломатии была осложнена, как писал Г. Гопкинс У. Черчиллю, “замешательством” общественности в связи со всякого рода негативными прогнозами западных политиков и журналистов⁶. Возникли серьезные сомнения в отношении позиции советского лидера, которую Сталин и сам не скрывал. Сказались комплекс подозрительности Кремля к западным союзникам после истории с открытием Второго фронта и недоверие к международным организациям, в прошлом подвергавшим Советский Союз дипломатическому карантину по самым разным поводам.

Серьезные опасения насчет советских намерений имелись и у западных союзников. Но высказывать их Рузвельту решительно не хотелось. Для него саммит в Ялте потерял бы смысл и обернулся полным фиаско, если бы верх взяли дурные предчувствия Сталина, его старые обиды или просто желание показать, на чьей стороне военное и моральное превосходство. Менее чем за месяц до отъезда в Ялту Рузвельт был предупрежден об этом очень близким и преданным ему человеком, чутью и знаниям которого он полностью доверял, бывшим послом США в Москве Дж. Е. Дэвисом, в ходе продолжительного разговора “с глазу на глаз” в Белом доме 10 января 1945 г.⁷

Этот долгий разговор нашел отражение в дневниковой записи Дэвиса, как обычно, сделанной с учетом будущих просмотров заинтересованными людьми. Главной темой были Советский Союз, конференция в Ялте и предстоящая дискуссия об ООН. “Мы также говорили о Китае, Гонконге, трудностях, возникающих в переговорах с Черчиллем, и абсолютной необходимости иметь твердую позицию по вопросу о Международной организации безопасности”, – отмечал Дэвис. Рузвельт вскользь остановился на ряде других острых вопросов, в частности о наказании военных преступников – “без фанфар и фотографов”, чтобы не создавать из их казни спектакля и не давать пищу для будущих реваншистов в Германии. Далее последовал длинный монолог президента. Дэвис отнес его к раздумьям Рузвельта о судьбе ООН, на пути которой к благополучному разрешению еще предстояло преодолеть ряд трудностей. Запись передает озабоченность Рузвельта в связи с превращением Сталина в освободителя Европы и упорным желанием Черчилля отстоять свое понимание незыблемости колониальной системы, правил экстерриториальности для великих держав и т.д.

Приводимый нами далее фрагмент из записи Дэвиса достаточно красноречив: «Он (Рузвельт. – В.М.) сказал, что не понимает Черчилля. Последний становится все более и более человеком викторианской эпохи, сползающим все дальше и дальше к мышлению прошлого века, вместо того чтобы стать лицом к лицу с сегодняшней действи-

⁶ Franklin Delano Roosevelt Library (далее – FDRL), Roosevelt Papers, Map Room, Messages to and from H. Hopkins, box 13. Hopkins to W. Churchill, December 16, 1944.

⁷ Library of Congress (далее – LC), Joseph E. Davis Papers, Chronological file, container 16, January 10, 1945.

тельностью и требованиями времени. Он сказал, что говорил Черчиллю, что создание международной организации безопасности зависит от того, сможем ли мы доброжелательно отнестись к доминионам и людям в колониях, и что Англия в этой связи готова сделать. Он снова затронул вопрос об “империалистической одержимости” Черчилля в отношении британских интересов в Китае, Индии и других странах. Англия, сказал он, следовало бы добровольно вернуть свои экстерриториальные концессии Китаю в качестве жеста справедливости и добропорядочности. Он уверен, что, если это будет сделано, то Чан Кайши в ответ также великодушно согласится объявить Гонконг свободным портом. Когда Черчилль сказал, что он как премьер-министр не может согласиться на подобные уступки за счет империи, Рузвельт возразил ему в том смысле, что это может взять на себя король, а он в свою очередь готов убедить короля сделать это. Далее мы обсудили с ним проблемы Думбартон-Окса и советское требование согласиться с правилом единогласия в качестве основы деятельности Объединенных Наций. Я снова доложил ему мнение Сталина о причине слабости старой Лиги наций, которая сказалась на поведении Англии и Франции. Когда они начали вести политику уступок Германии, она ничего не смогла сделать. Президент согласился с тем, что не может быть безопасности в мире, если каждая из союзных держав не будет чувствовать себя защищенной от насилия в отношении любого из членов Большой тройки, победившей в войне».

Дневниковая запись Дэвиса от 10 января 1945 г. свидетельствует о твердом намерении Рузвельта добиться закрепления в Ялте положений, выработанных во время “неофициальных переговоров в Думбартон-Оксе”, и заблаговременно подготовиться к преодолению тех “затруднений”, которые можно было предвидеть, имея в виду характер будущей дискуссии в Крыму. Опасения Рузвельта относительно осуществимости идеи о создании Международной организации безопасности в случае отказа СССР поставить подпись под актом об ее учреждении без устранения колониальной системы и признания равноправия больших и малых стран (чему препятствовало имперство Черчилля), без соблюдения принципа единогласия трех держав и без учета чувствительности Сталина к попыткам дискриминации Советского Союза были абсолютно реальны.

Дэвис специально обратил внимание президента на недопустимость любых действий двух западных держав, ставящих СССР в положение моральной изоляции или объекта для критики. Высказанные Дэвисом опасения оправдались. В ходе дискуссии на саммите в Ялте 6 февраля 1945 г. по поводу голосования в ООН Сталин не преминул напомнить участникам о сложных отношениях Советского Союза с Лигой наций, когда в 1939 г., “во время русско-финской войны”, СССР был исключен из Лиги наций и стал мишенью для всевозможных нападок. Благодаря беседе с Дэвисом президент был готов к этому демаршу и немедленно сделал очень обязывающее заявление: “Случай, подобный упомянутому маршалом Сталиным, не может повториться”⁸. Согласие Рузвельта на допуск к первоначальному членству в ООН Украины и Белоруссии, на чем настаивал Сталин, было, по сути дела, платой за достигнутое понимание по главному вопросу – принципиальному участию СССР в деятельности ООН при сохранении единства великих держав-союзниц во время голосования в Совете Безопасности по вопросам, касающимся безопасности. Рузвельт понимал, как много было поставлено на карту и как много зависело от желания Сталина видеть советские позиции прочными, авторитетными и независимыми от простого большинства в руководящем органе ООН.

Дискуссия о создании ООН отразила размежевание между союзниками, которое не удалось полностью снять в преддверии Ялты. В консервативной партии Англии,

⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) (далее – Крымская конференция). М., 1979, с. 96.

в экспертном сообществе США было много противников проекта, опасавшихся, что попытка создания некоей системы, узаконивавшей статус-кво в мировой политике, обречена на провал, ибо, как считалось, она не способна адаптироваться к меняющейся международной обстановке, не способна заменить гибкую дипломатию личных отношений, не связанную нормативами верховного органа. Острую критику вызывало предложение о правиле единогласия великих держав, признающего особую роль держав-победителей и среди них Советского Союза. Весьма скептически относился к идее ООН при соблюдении принципа верховенства великих держав, например, Дж. Кеннан, чье имя только начинало “выходить из тени”, но уже много значило в дипломатических сферах Вашингтона. Немало лет проработавший в американском посольстве в Москве, Кеннан уже в дни Крымской конференции выступил с готовой формулой мира в Европе путем простого разделения сфер влияния между морским “Атлантическим сообществом” и “желтой евразийской материковой мощью”, т.е. между западным миром и контролирующим Восточную Европу и среднеазиатский регион советским миром⁹.

Конечно же, Рузвельта невозможно было удивить посланиями, полными мрачных предсказаний, и пожеланиями провалить “сражение в Ялте” прямо перед рискованным путешествием для участия в конференции трех с кодовым названием “Аргонавт”, удачно придуманным Черчиллем. Скептиков он вынужден был слушать начиная с декабря 1941 г., когда по примеру созданной его предшественником В. Вильсоном “Исследовательской комиссии” он распорядился собрать под началом государственного секретаря К. Хэлла специальный Совещательный комитет (“Комитет Ноттера”)¹⁰. Среди его аналитиков имелось предостаточно русофобов и изоляционистов, чтобы проинформировать президента о зловещих замыслах русских и воззвать его к бдительности¹¹. Но ради того, чтобы не сорвать победный финал коалиционной войны большой ссорой со Сталиным, Рузвельту пришлось отменить предупреждения о коварстве кремлевского диктатора даже тогда, когда позиция Вашингтона и Лондона явно расходилась со сталинской¹². Дело доходило до того, что он терпел издевательские высказывания оппозиционных журналистов вроде Д. Лоуренса о скорой смерти верховного главнокомандующего США и возможной передачи его полномочий вице-президенту Г. Уоллесу¹³.

Для политика, еще не избавившегося от волнений, связанных с избирательной кампанией конца 1944 г., и повседневных забот главнокомандующего вооруженными силами воюющей державы, Рузвельт проявил высокую степень интеллектуальной изобретательности и эрудиции при обсуждении эскиза нового миропорядка. Однако многое из того, что пришлось на долю “домашнего анализа” предстоявшей “шахмат-

⁹ Gaddis J.L. George F. Kennan. An American Life. New York, 2011, p. 188–190.

¹⁰ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х годах. М., 2006, с. 207–236.

¹¹ В конце марта 1944 г. начальник Объединенного штаба начальников штабов генерал Джордж Маршалл в специальном меморандуме на имя президента высказал очень серьезные сомнения в отношении “стремительного и впечатляющего” продвижения Советской Армии южнее реки Припять. Возникла опасность, как он писал, слома обороны вермахта и быстрого вхождения русских на территорию Германии. В условиях пассивности западных союзников такой исход Маршалл считал крайне нежелательным и потому недопустимым. – National Archives (USA), W.D. Leahy Papers, Memorandum to the President from General G. Marshall, March 31, 1944.

¹² См. Гибианский Л.Я. Подготовка Крымской конференции и позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии. – Советское славяноведение, 1981, № 4, с. 20, 22; Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Отв. ред. В.Т. Юнгблуд. Киров, 2014, с. 304–307.

¹³ Республиканцы сделали здоровье Рузвельта важной темой избирательной кампании осени 1944 г. (см. FDRL, S.I., Rosenman Papers, box 2. I. Lubin to S. Rosenman, October 31, 1944). Соперник Рузвельта, молодой губернатор штата Нью-Йорк Томас Дьюи, внешне выглядел фаворитом президентской гонки.

ной партии” в Ялте, нам остается неизвестным. Дочь Рузвельта Анна, исполнявшая роль его личного секретаря и даже телохранителя, не вела дневника – ей принадлежат всего лишь беглые заметки о бытовых подробностях. Самое же удивительное состоит в отсутствии фактически любых записей, касающихся обсуждения проблем до Ялты и во время Ялты между Рузвельтом и его ближайшим помощником и советником Г. Гопкинсом. Не осталось ничего, кроме реплик (иногда очень дельных и всегда уместных) на листках бумаги во время прений. А между тем роль Гопкинса в определении курса американской дипломатии в “русском вопросе”, и не только, общепризнанна. Кстати, Гопкинс – “лорд Корень вопроса”, как называл его Черчилль, – совместно с А.А. Громыко первым предложил Ялту как возможное место для проведения саммита¹⁴. Это предложение появилось в ходе весьма сложных переговоров в Думбартон-Оксе (г. Вашингтон) 21 августа–28 сентября 1944 г. Гопкинс не был прямым их участником, но присутствовал там на правах ближайшего советника президента. Он постоянно консультировал заместителя госсекретаря Э. Стеттиниуса, добиваясь согласия между участниками переговоров по многим спорным вопросам.

Гопкинс не пропустил ни одного заседания Ялтинской конференции, занимая место за спиной президента. Но, как и в случае с Думбартон-Оксом, никаких зафиксированных на бумаге признаков его участия в обсуждении соответствующей тематики мы не встречаем. Некоторые историки пишут, что апогеем влияния Гопкинса был Тегеран, в Ялте же его место занял адмирал У. Леги, начальник штаба президента¹⁵. Место адмирала за круглым столом – рядом с президентом – обозначило главную интригу большой стратегии финальной стадии войны. В ближайшем будущем ее центр тяжести должен был естественным образом переместиться на Дальний Восток.

Однако к моменту открытия конференции военные проблемы решались как бы сами собой. На передний план выходили проблемы политические. В воздухе витал вопрос: быть или не быть продолжению Думбартон-Окса в связи с процедурой голосования в Совете Безопасности?¹⁶ Фоном ему служила тревога Лондона и Вашингтона по поводу политического положения в зоне наступления Красной Армии. В октябре – декабре 1944 г. Рузвельт, поглощенный подготовкой очередных президентских выборов (Гопкинс называл их “плебисцитом”¹⁷) и перестройкой аппарата администрации после трудного триумфа, поручил своему главному помощнику внести ясность и успокоение в обстановку, когда даже многие единомышленники президента не видели никаких возможностей к взаимоприемлемым решениям конфликтных ситуаций как с Москвой, так и с Лондоном. Гопкинс с его опытом социального работника и уникальным умением примирять непримиримых был единственным, кто мог привести в чувство посла США в Москве А. Гарримана, готового рассориться со Сталиным по поводу проблем, связанных с освобождаемой восточноевропейской территорией и репарациями, и укротить Черчилля, чья особая позиция по Польше или Югославии грозила подорвать единство “великого альянса” в момент решающих сражений в Европе и Азии¹⁸. Накануне встречи в Ялте Гопкинс по поручению Рузвельта проделал огромную работу по снятию противоречий, вступив в переписку с Гарриманом и нанеся очередной визит в Лондон.

¹⁴ См. *McJimsey G. Harry Hopkins. Ally of the Poor and Defender of Democracy*. Cambridge (Mass.), 1987, p. 360.

¹⁵ *Leahy W.D. I Was There. The Personal Story of the Chief of Staff to President Roosevelt and Truman Based on His Notes and Diaries Made at the Time*. New York, 1950. Рузвельт и Леги были знакомы с 1913 г.

¹⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа–28 сентября 1944 г.). Сб. документов. М., 1978, с. 201–204.

¹⁷ FDRL, Franklin D. Roosevelt Papers, Map Room, Messages to and from H.Hopkins, box 13. Hopkins to M. Beaver brook, November 6, 1944.

¹⁸ *Ibid.*, Hopkins to A. Harriman, September 11, 1944; Hopkins to W. Churchill, December 16, 1944.

Способность Гопкинса улавливать настроения Рузвельта в отношении того, какими должны быть совместные действия союзников, чтобы мир не стал повторением Версаля, была бесподобной. Однако в практике повседневного общения, едва справляясь с тяжелой болезнью, он постепенно уступал место в окружении президента военным, молодой поросли ньюдиллеров и его дочери Анне, женщине волевой и независимой в суждениях. Хотя окружение менялось, а Гопкинс отступал в тень, суть политики Рузвельта и в преддверии очередного саммита в Крыму оставалась прежней. Гопкинс четко выразил ее в послании Дж. Вайнанту, послу США в Лондоне, ровно за месяц до отбытия в Ялту. “Война, – писал он, – полыхает в это Рождество по всему свету. Самые лучшие надежды на добрый мир после победы сейчас подвергаются опасности и сомнению, но я убежден, что это уходящие фазы вселенской драмы. Однако мы не добьемся справедливого мира, если не будем работать ради него”¹⁹.

Для Рузвельта категорично и безусловно “справедливый мир” был возможен только после разгрома, безоговорочной капитуляции и оккупации территории Германии, Италии, Японии и в рамках того процесса, который был начат Атлантической хартией, продолжен на Московской конференции министров иностранных дел в ноябре 1943 г., затем в Думбартон-Оксе и окончательно закреплён в Ялте. Успех этого процесса мог стать гарантией формирования нового миропорядка, который воспрепятствовал бы повторению нового реванша сил агрессии и войны. Сплоченность пяти великих держав, если удастся ее сохранить, утверждал Рузвельт, в сочетании с “применением силы”, если это станет необходимым, способна была предотвратить распространение нацистских идей и дать миру передышку на много лет вперед.

Предложения, принятые на “неофициальной” конференции трех в Думбартон-Оксе (август–сентябрь 1944 г.) и связанные с созданием Международной организации безопасности, эмоционально воспринимались Рузвельтом как самые важные на подступах к Ялте. Высказанные ранее в коротких беседах с Молотовым, Иденом и рядом частных лиц идеи воплотились в продуманные и всесторонне проанализированные дипломатами трех стран (США, СССР, Великобритания) будущие решения о создании Международной организации безопасности – ООН. Таков был итог напряженной работы, начатой в самое неблагоприятное время, где-то весной 1942 г. На Рузвельта он произвел сильнейшее впечатление, прежде всего как шаг вперед от мирового хаоса к упорядоченному миру²⁰.

И в самом деле, Думбартон-Окс послужил лабораторией для тестирования на жизнеспособность разных, как писали газеты, “ориентировочных” идей, касалось ли это важнейших вопросов – структуры и принципа голосования в ООН, освобожденной Европы, Германии, Дальнего Востока – или, возможно, не первых “по рангу”, но крайне острых и неотложных задач. Рузвельт, например, признавал важность для поляков и польского правительства в Лондоне отстоять их требования и одновременно нереальность осуществления этих ожиданий в полном объеме. Еще в ходе бесед с Иденом в марте 1943 г. в Вашингтоне Рузвельт сказал английскому министру иностранных дел, что судьба Польши в конце войны будет решаться великими державами, а не поляками и это решение будет лишь частью общего урегулирования и будет подчинено общим целям²¹. Во многом схожий вывод был сделан им и в отношении стран Прибалтики²².

¹⁹ Ibid., Hopkins to John G. Winant, December 21, 1944.

²⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе, с. 255.

²¹ Brands H.W. Traitor to His Class. The Prevailed Life and Radical Presidency of Franklin D. Roosevelt. New York, 2008, p. 715.

²² См.: Lash J.P. Eleanor and Franklin. The Story of Their Relationship Based on E. Roosevelt Private Papers. New York, 1972, p. 924; Brands H.W. Op. cit., p. 715, 716.

В долгом процессе обдумывания ближайших и стратегических целей войны, пере- проверки своих идей и представлений в режиме личных неформальных встреч с весьма разномыслящими собеседниками Рузвельт готовил собственную сценографию саммита, не будучи, впрочем, уверен, что получит полную поддержку Черчилля и Сталина по всем вопросам повестки дня, хотя формально ее и не существовало. Политический реалист, он сделал ставку на “интимное”, личное общение с каждым из партнеров в отдельности, весьма искусно исполняя роль посредника, “честного маклера” и находя пути к согласию. Знаменитый рузвельтовский рецепт выработки единого мнения (для чего следовало закрыть спорящих в одной комнате, усадить их за один стол, заставить снять пиджаки, предложить положить ноги на стол и дать каждому по хорошей сигаре), высказанный президентом совершенно открыто перед делегациями в Думбартон-Оксе²³, не всем пришелся по душе. В дни подготовки Ялтинской конференции нашлось немало критиков подобной экспериментальной дипломатии и, конечно же, самого места проведения (снова, как и в Тегеране, на территории Сталина) этой, по мнению многих, последней встречи в верхах в привычном составе трех лидеров.

Но критики страдали близорукостью. Опираясь на свою экономическую мощь и используя созданные при их финансовой поддержке международные организации, США получали лучшие возможности решать проблемы Европы и других континентов в рамках выработанного ими глобального проекта²⁴. С помощью нового инструментария Рузвельт рассчитывал также (не без поддержки Сталина) способствовать деколонизации, отказу от раздела мира на сферы влияния и обычая решать споры методом “одни против других”. Черчилль с его имперской идеологией и наполеоновским комплексом плохо вписывался в рузвельтовскую модель свободы для американской экономической экспансии и противодействия территориальной замкнутости, в долгосрочный “мастер-план”, сформировавшийся в его сознании²⁵. Источником напряженности между двумя лидерами были расхождения во взглядах на взаимоотношения больших и малых стран и пределы долгожительства колониальных империй. Именно об этом Рузвельт говорил Сталину в Ялте, заметив, что “англичане – странные люди. Они хотят кушать пирог и хотят, чтобы этот пирог оставался у них целым в руках”²⁶.

Память о печальной судьбе Лиги наций и ее творца В. Вильсона вынуждали Рузвельта дистанцироваться от идущей в прессе бессмысленной полемики по вопросу о том, быть или не быть “вечному миру” на земле. Рузвельт, переживший романтические увлечения эпохи расцвета вильсонизма, не мог позволить себе такой роскоши: обращаясь к своим собеседникам за круглым столом Крымской конференции, он просил не рассчитывать более чем на 50 лет. Разумеется, Международная организация безопасности, опирающаяся на принципы единогласия великих держав и данные ей полномочия, теоретически могла гарантировать определенную защищенность от очередной

²³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе, с. 121.

²⁴ Весьма откровенно об особых интересах США в Европе в связи с обсуждением идеи создания ООН писал в своей записке 4 сентября 1944 г. Дж. Кеннан (*Kennan G.F. Memoirs 1925–1950. Boston, 1967, p. 218*). Леволиберальная пресса США горячо поддержала переход американской дипломатии к активному интервенционизму. Очень популярный сторонник интервенционализма, поэт Арчибальд Маклиш, возглавил эту кампанию, видя в рекомендациях Думбартон-Окса противовес международной анархии. Критика в адрес Большой тройки со стороны малых стран не возымела серьезного действия, ибо основополагающие принципы создаваемой Международной организации безопасности обеспечивали им на бумаге равные права. См. *Borgwardt E.A. New Deal for the World. America's Vision for Human Rights. Cambridge (Mass.), 2005, p. 170–174*.

²⁵ Об этом см.: *Kimball W.F. The Juggler. Franklin D. Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991, p. 63–81; Gaddis J.L. Surprise, Security, American Experience. Cambridge (Mass.), 2004, p. 50, 51*.

²⁶ Крымская конференция, с. 52.

глобальной войны, но абсолютного контроля за силами, вызывающими локальные и мировые конфликты (революции, религиозные войны, разногласия между великими державами), она обеспечить на все сто процентов не могла²⁷. Сохранение доверия между великими державами, их взаимодействие в рамках дееспособной Организации Объединенных Наций должны были стать главным условием исправной, хотя и не безупречной работы нового механизма мира, который где-то и когда-то, безусловно, мог растерять этот свой ресурс.

Рузвельт ни минуты не сомневался, что жизнь человечества после катастрофической войны не будет безоблачной. От ложного оптимизма начала Великой войны 1914–1918 гг. он был застрахован крахом Версальской системы, фашизмом, Пёрл-Харбором, увиденным в освобожденном Крыму (“бессмысленными и беспощадными разрушениями, произведенными немцами”)²⁸, жесткой позицией Сталина по вопросам политического устройства восточноевропейских стран, судьбой Прибалтики, взрывным и неуправляемым характером набравшего силу движения деколонизации и опасным поведением в западноевропейских странах, освобожденных от фашистской оккупации.

При всех расхождениях с Черчиллем относительно роли СССР в новой структуре мира между президентом США и премьером Великобритании сохранялось много общего в оценке того, как далеко за пределы собственных границ должны простираться законные интересы Советского Союза. Суть “мрачного”, как его охарактеризовал Рузвельт, польского вопроса, отягощенного “подвигами” Армии Крайовой, была заключена именно в данном стратегическом концепте западных союзников. В классической работе Дианы Клеменс о конференции в Ялте, работы искренней и правдивой, изданной еще в 1970 г., отмечалось: “Они оба пребывали в недоумении – Черчилль из-за своей антибольшевистской фобии, а Рузвельт – из-за своего загадочного видения послевоенного мира. Подрыв складывающейся благоприятно для Советского Союза ситуации в Польше оставался важнейшей целью англо-американской дипломатии, хотя об этом никогда не говорилось вслух”²⁹.

Но, готовясь к полемике по восточноевропейским и балканским проблемам, Рузвельт более всего уповал не на поддержку Черчилля (который, скорее всего, мог только навредить своей вспыльчивостью), а на арсенал личной дипломатии (“закрывшись в комнате”), оправдавшей себя еще в Тегеране. Позднее, после Ялты, его упрекали в слабости, податливости нажиму Сталина, утрате волевых качеств и, бог знает, в чем еще. Однако много позднее, в 1977 г., один из самых активных и жестко настроенных по отношению к кремлевским порядкам членов американской делегации в Ялте, посол США в Москве Гарриман в заочном споре с Д. Ачесоном сказал историку А.М. Шлезингеру-младшему, превосходно знавшему цену свидетельства своего умного, многоопытного собеседника, очевидца событий: “Рузвельт в принципе был прав, полагая, что сможет добиться прогресса, используя свои личные контакты со Сталиным. Мои расхождения с Рузвельтом выражались лишь в том, что он был более оптимистично настроен по поводу того, как далеко в поступательном направлении могут зайти эти отношения”³⁰. А кто мог предвидеть крутые виражи истории после мая 1945 г. или стремительное изменение в поведении Черчилля?

В польском вопросе Рузвельт (а вместе с ним и Черчилль) сделал уступку Сталину, согласившись, в частности, на так называемую линию Керзона, которая должна была идти вдоль восточной границы Польши “с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши”, и никогда не жалел об этом. Однако дело не сводилось лишь к пограничной проблеме. Предвидя осложнения во внутренней политике, но решившись на трудный для него компромисс (“Я не говорю, что

²⁷ Там же, с. 88, 96.

²⁸ Там же, с. 50.

²⁹ *Clemens D.S. Yalta*. New York, 1970, p. 177.

³⁰ *Schlesinger A.M.-jr. Journals 1952–2000*. Ed. by A. Schlesinger, S. Schlesinger. New York, 2007, p. 335, 336.

результат идеален, но это лучшее, что я мог сделать”³¹). Рузвельт руководствовался прежде всего стремлением не допустить раскола в Большой тройке из-за духа документа, подписанного 11 февраля 1945 г. и открывавшегося фразой: “Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией”³². Война жестко и категорично диктовала свои условия: она назвала нового мощного игрока на мировой арене и определила характер его стратегических целей и поведения. В этой связи дипломатия Рузвельта, будучи зеркальным отражением противоречивой мировой ситуации финала глобальной войны, по определению должна была опираться на такой же, как пишет Киссинджер, подход “с позиции силы”, как и тот, которым практически руководствовался Сталин. Предваряя возможные недоумения, Киссинджер счел вполне уместным процитировать в данном контексте личного переводчика и советника Рузвельта Ч. Болену, с первого и до последнего дня конференции в Ялте неизменно находившегося рядом с президентом: “Он (Рузвельт. – В.М.) чувствовал, что Сталин видит мир в том же свете, что и он сам”³³.

Болен знал, о чем писал. Утверждение многочисленных критиков Рузвельта, что он “сдал” позиции перед силовым давлением Сталина, не выдерживает критики. Рузвельт не был похож на президента – хромую утку, он хорошо представлял себе меру потерь и приобретений для самих США по сравнению с конкурентами. Международная экономическая конференция в Бреттон Вудсе, пишет Э. Боргвардт, усилиями американских переговорщиков в июле 1944 г. создала институты, которые только укрепили экономическое превосходство США, сделав его более легитимным и более прочным³⁴. Есть еще одно “реабилитирующее” Рузвельта свидетельство. Дж. Гэддис выделяет главную черту дипломатии Рузвельта – ее наступательный дух, показывая, что от Пёрл-Харбора до Ялты Рузвельт последовательно и настойчиво проводил политику расширения сферы глобальных военно-стратегических интересов и экономического доминирования США. С атомной составляющей к лету 1945 г. американский “периметр безопасности” и наступательный потенциал увеличились многократно. Гэддис высоко оценивает роль Рузвельта в создании военного могущества США, добавленного к созданному им же “арсеналу демократии”. Он с похвалой отзываясь о сказанном известным английским историком А.Дж.П. Тейлором: “Рузвельт сделал Соединенные Штаты величайшей державой в мире, фактически уплатив за это самую

³¹ *Gaddis J.L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947. New York, 1972, p. 163.*

³² Крымская конференция, с. 269. Ровно за год до встречи в Ялте, в феврале 1944 г., Рузвельт в секретной директиве для правительственных органов, ведущих сотрудничество с союзниками по линии экономического взаимодействия, писал об особой важности недопущения срыва военных поставок в СССР. Его главный аргумент был сформулирован абсолютно недвусмысленно: “Россия продолжает оставаться главным фактором достижения победы над Германией” (FDRL, Oscar Cox Papers, Diaries and Related Material, box 148. Roosevelt’s Memorandum for Federal Economic Administration, February 14, 1944). Находясь точно в таком же состоянии духа уже в октябре 1944 г., Черчилль во время встречи в Москве со Сталиным в ходе обсуждения польского вопроса предложил советскому руководителю в принципе одобрить так называемое “процентное соглашение” о разделе сфер влияния на Балканах, одновременно в порядке самокритики поставив на него клеймо “скверного документа”. Премьер в ходе откровенного (“не для печати”) обмена мнениями со Сталиным позиционировал себя и своего собеседника политиками-реалистами, лишенными сентиментальности и даже попросту циниками (*Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941 – 1945. М., 2004, с. 412–429*). Здесь важно отметить, что постановка данного вопроса возникла именно в связи с польской темой. После острейшей дискуссии в Ялте по польскому вопросу, как о том свидетельствует в своей фундаментальной работе Э. Боргвардт, союзники признали просоветское правительство в Варшаве сразу же после конференции ООН в Сан-Франциско в июне 1945 г. – *Borgwardt E. Op. cit., p. 182.*

³³ Цит. по: *Kissinger H. Op. cit., p. 274.*

³⁴ *Borgwardt E. Op. cit., p. 281.*

низкую цену”³⁵. “Принуждение к миру” Германии и Италии для США действительно было незатратным, если иметь в виду потери, которые понесли СССР и Великобритания в борьбе с европейским фашизмом. И оказалось явно избыточным в первый же момент после победы над германским фашизмом. После ясно выраженного Японией желания капитулировать и готовности СССР начать войну против союзника Германии на Дальнем Востоке в атомных бомбардировках японских городов Хиросимы и Нагасаки не было совершенно никакой нужды.

“Острые проблемы” подстерегали победителей буквально на каждом шагу³⁶, пишут авторы современного труда, привлечшего внимание широкого читателя, о переходном периоде от войны к миру. Дискуссия в Ялте не была игрой в поддавки, банкетной кампанией в честь взаимных уступок. Полемика обнажила нестыковки, разногласия, опасения – их отложили на будущее. Уже подготовительная стадия Крымской конференции высветила настолько острые расхождения между союзниками, что это ставило под сомнение шансы на сам ее созыв. Серьезную мину под конференцию “Аргонавт” готов был подложить премьер-министр Англии. Капризы и постоянные колебания в настроении Черчилля делали его то ее сторонником, то противником. Еще не получив от Сталина формального приглашения, Черчилль направил Рузвельту послание, прочитав которое президент лишний раз осознал, какие серьезные испытания ждут Большую тройку в ближайшем будущем. Вот фрагмент этой телеграммы Рузвельту, отосланной Черчиллем из Лондона 8 января 1945 г.:

“Что Вы думаете о продолжительности нашего пребывания на конференции в Ялте? Она может стать роковой конференцией, собравшейся в момент, когда великие державы-союзники разобщены, а тень войны легла на нашем пути. Сегодня я думаю, что конец этой войны может оказаться еще более разочаровывающим, чем той, что закончилась в 1918 г.”³⁷

Возникло впечатление, что Черчилль обдумывает ходы, ведущие к разрыву с союзником, готовым начать Берлинскую операцию. Гопкинс, всегда расположенный к Черчиллю, испытывал крайнее беспокойство. Британский премьер не хотел ехать в Ялту, назвав ее “худшим местом” для саммита. Рузвельт, напротив, несмотря на ворчание врачей и дружные уговоры некоторых советников, стремился встретиться со Сталиным в формате Тегерана. А может быть, и вдвоем и притом где угодно. Как бы отвечая Черчиллю и скептикам из государственного департамента, Рузвельт в своей короткой четвертой инаугурационной речи 20 января 1945 г. сосредоточил внимание не на войне, а на близком мире. Однако он наотрез отказался до встречи в Крыму обсуждать программу Ялты с членами большой группы сопровождавших его лиц, а тем более с англичанами. И вновь назначенный государственный секретарь Э. Стеттиниус, и директор по вопросам экономической мобилизации, будущий государственный секретарь Дж. Бирнс, специально приглашенный президентом разделить с ним путешествие в Крым на борту тяжелого крейсера “Квинси”, по-настоящему так и не получили доступа к президенту с момента выхода судна в море 23 января 1945 г. из Ньюпорта-Ньюс (штат Вирджиния). Многие винили в этом дочь президента Анну Буттигер, которая по долгу секретаря бдительно ограждала отца от серьезных разговоров с попутчиками. Лишь 30 января она устроила для них в кают-компании корабля вечеринку по случаю дня рождения президента. Ему исполнилось 63 года. Никто из важных персон занимать президента разговором уже не рискнул. Помешала, как свидетельствует источник, обстановка, укрепившая праздничное настроение президента, – “успешно развивающееся колоссальное наступление русских” на Восточном фронте в момент поражения американцев и англичан в Арденнах в декабре – январе 1944 г.”³⁸

³⁵ Цит. по: *Gaddis J.L. Surprise, Security and the American Experience*, p. 48–56.

³⁶ *Stone O., Kuznick P. The Untold History of the United States*. New York, 2012, p. 117.

³⁷ FDR, F.D. Roosevelt Papers, Map Room, Presidential Trip, Crimean Conference, box 21. W. Churchill to FDR, January 8, 1945.

³⁸ Выше приводится отрывок из дневника матроса “Квинси”, хранящегося в Нью-Йоркской публичной библиотеке. – New York Public Library, Franklin D. Roosevelt Collection, U.S. Navy, Paul F. Taylor, “M”, Division, U.S.S. “Quincy”.

На Мальте, куда “Квинси” и его эскорт прибыли 2 февраля для встречи с премьер-министром Англии, стало особенно ясно, что рассчитывать на откровенность Рузвельта невозможно. Кому-то это могло показаться странным, но весь день пребывания в Валетте Рузвельт избегал оставаться с Черчиллем один на один, хотя и оказывал премьеру всяческие знаки внимания. Его больше привлекало многочасовое обозрение окрестностей в сопровождении Анны. Даже военные вопросы не были толком обсуждены высшими американскими и английскими чинами, хотя для этого существовал серьезный повод – поражение союзников в Арденнах и огромный успех советского наступления 12 января 1945 г., что означало реальную возможность окончания войны до завершения Ялтинской конференции, а может быть, в дни ее открытия³⁹. Однако Рузвельт не торопился высказать мнение военных. Другими словами, все выглядело так, как будто президент не готов обсуждать любой набросок повестки дня Крымской конференции с людьми, чью реакцию он предвидел, либо считал, что разговоры с ними могут закончиться какими-то обязывающими препозициями, имеющими все признаки сговора за спиной Сталина.

Существовали и другие мотивы неприятно удивившей Идена уклончивости Рузвельта в общении с Черчиллем и им самим на Мальте⁴⁰. Очень заметным для окружающих было нежелание президента участвовать в длинных диалогах с Черчиллем, таивших в себе опасность разглашения тех идей и предложений, которые президент хотел озвучить лишь в присутствии всех лидеров коалиции. Еще не стерлось двойственное впечатление от неожиданного и “самовольного” визита Черчилля в Москву 9–18 октября 1944 г., последовавшего за встречей президента и премьера в Квебеке в августе 1944 г. и вызвавшего вполне понятные вопросы и опасения. Гопкинс, сочувствовавший Черчиллю и Идену, ощущал неловкость положения, но состояние особой ответственности момента передалось и ему. В любом случае, он привык хранить молчание о замыслах президента даже и не в столь критической ситуации.

Над всем доминировало убеждение Рузвельта в разумности не связывать себя уже готовыми решениями: лучше было принимать их на месте, сообразуясь с ситуацией и настроением всех участников переговоров. Сталин мог оказаться склонным продолжать дискуссию или вести дело к ее сворачиванию, быть сговорчивым или упрямым, в большей или меньшей степени ведущей фигурой, и все это могло развернуть дискуссию в ту или иную сторону. Кроме того, Рузвельту были хорошо известны позиция и сомнения Черчилля в краткосрочном плане и долгосрочной перспективе. Выслушивать еще и еще раз зловещие пророчества, опасения, увещевания и предчувствия английского премьера он считал излишним, а обсуждать большие вопросы послевоенной Европы в отсутствии третьего партнера по коалиции, державшего в руках ключи от решающих военных успехов, – вредной затеей и пустой тратой времени.

Разговор с Черчиллем, собеседником умным, прозорливым и побывавшим во множестве исторических передышек, мог бы в очередной раз дать нечто полезное, но, даже судя по переписке накануне Ялты, явно породил бы сомнения и недомолвки, как и всегда, после подобных собеседований. Между тем главное обещание Сталина о вступлении СССР в войну против Японии еще предстояло подтвердить⁴¹. Ведь обещание – это не документально подтвержденное согласие. Рузвельт принял твердое решение добиться его. Все это требовало концентрации не на тяжелых раздумьях, а на поисках потенциала совместимости помыслов, сближения и создания соответствующего тона при ведении трудных переговоров, которым всегда так умело пользовался Рузвельт. Отсюда очевидно, что, находясь на Мальте, президент не хотел раньше времени раскрывать все свои планы. Некоторые из них Черчилль мог встретить в штыки и

³⁹ *Clemens D.S. Op. cit.*, p. 83–86.

⁴⁰ *Moran Ch. Churchill: Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966, p. 217–248; Clemens D.S. Op. cit.*, p. 97; *Eden A. The Reckoning. The Memoirs of Antony Eden. Boston, 1965, p. 592.*

⁴¹ Крымская конференция, с. 139–143; *Печатнов В.О. Указ. соч.*, с. 179, 180.

даже допустить их катастрофические “утечки”, чем помешал бы, как выразился освещенный решительно обо всем Ч. Болен в своем послевоенном письме Р. Шервуду, “втянуть Россию в войну” на Дальнем Востоке⁴².

Когда поздно вечером 2 февраля 1945 г. президентский самолет С-54 (“Священная королева”) с американской делегацией на борту взял курс на Саки (Крым) отоспавшийся на “Квинси” и бодрый Рузвельт был вполне готов к многочасовому перелету. Черчилль и вся английская делегация, вылетающая туда же чуть позже, остались разочарованными и чисто формальным характером встреч с президентом, и его нежеланием погружаться в дела, хотя предстояли трудные встречи со Сталиным, с каждым разом все более загадочным. Иден даже высказал мысль о злокозненной роли дочери президента Анны. Однако много лет спустя блистательный дипломат в своих мемуарах должен был самокритично признать, что охлаждение в отношениях Рузвельта и Черчилля было вызвано не вмешательством Анны, а более всего несходством характеров и мировоззрения двух лидеров⁴³. Идеология сакрализации колониализма и киплингского комплекса “белого супермена”, исповедуемая Черчиллем, столкнулась с неоколониализмом США, ставивших цель экономически, политически и в военном отношении укрепить и расширить свое влияние на территориях, до войны входивших в орбиту колониальных империй, и содействовать их демократизации по-американски⁴⁴.

Рузвельт руководствовался трезвым расчетом и точным знанием собственных интересов, как об этом многократно говорил и сам Черчилль. К началу последнего саммита Большой тройки в Крыму абсолютно четко определилось стратегическое соотношение сил в англо-американском тандеме. “Кто же тут старший партнер и кто младший?” – спрашивал Гопкинс Эллиота Рузвельта в Каире в ноябре 1944 г., не ожидая, впрочем, никакого ответа. Все и так было ясно⁴⁵.

К концу войны проявилась вся огромная разница экономических и военных потенциалов двух стран. Возникшие осложнения дали себя знать уже в Касабланке и Каире в 1943 г., а потом на Мальте, когда председатель американского Объединенного штаба начальники штабов генерал Дж. Маршалл в резкой и категоричной форме отверг предложение англичан переподчинить генерала Д. Эйзенхауэра, главнокомандующего союзными войсками, Лондону и показал, что им не остается ничего другого, как только принять американскую стратегию войны в Европе⁴⁶. Фельдмаршал Монтгомери мог позабыть о славе маршала Фоша.

Прилетев в Крым, Рузвельт охотно принимал знаки внимания, оказываемые ему как президенту богатейшей и в военно-техническом отношении самой оснащенной мировой державы. Он дал понять, что раз и навсегда порвал с “доктриной невмешательства”, а вместе с ней и с американской традицией разоруженчества и континентальной замкнутости. После открытия Второго фронта, высадки в Нормандии, морских побед на Тихом океане, заставлявших говорить о себе “ковровых бомбардировок” вражеских городов Германии, Румынии, Венгрии и Японии, а также благодаря достигнутому финансовому могуществу США и их возможности стать мировым казначеем любой разговор

⁴² Мальков В.Л. Из личной переписки Р. Шервуда. – Новая и новейшая история, 2008, № 1, с. 163.

⁴³ *Eden A.* Op. cit., p. 513.

⁴⁴ Если вновь обратиться к воспоминаниям Гарримана и его супруги Памелы Гарриман – племянницы Черчилля, относящимся ко времени окончания войны и принятия важнейших политических решений глобального масштаба, то внимания, бесспорно, заслуживает их беседа со Шлезингером-младшим в связи с выходом в свет летом 1984 г. переписки Рузвельта и Черчилля, изданной Кимболлом. Оба собеседника Шлезингера, говоря о самых приметных чертах двух лидеров, согласились, что “они по-разному относились к прошлому. Черчилль упивался традициями, Рузвельт более всего был прагматиком” (см. *Schlesinger A.M.-jr.* Op. cit., p. 575). Бросается в глаза совпадение оценок Гарриманов и Шлезингера с передачей Эллиотом Рузвельтом критики его отцом манеры Черчилля делить народы на “самостоятельные” и “несамостоятельные”, “чистые” и “нечистые”. – См.: *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 2003, с. 184, 193 и др.

⁴⁵ *Рузвельт Э.* Указ. соч., с. 180.

⁴⁶ См.: *Plokhly S.M.* Yalta. The Price of Peace. New York, 2010, p. 33–35.

с партнерами по коалиции должен был протекать в ином русле, чем это имело место в Касабланке, Каире и даже Тегеране. Когда-то, в начале войны, США представляли собой преимущественно лишь “арсенал демократии”. К концу войны положение изменилось.

Можно было уже полушутя-полусерьезно поспорить со Сталиным в начале первой запотоколированной беседы 4 февраля 1945 г., проходившей в Ливадийском дворце, насчет того, кто раньше окажется в Берлине и Маниле – русские или американцы. Можно было уже без труда спрогнозировать, в каких размерах западным союзникам и СССР предстоит вложиться в восстановление разрушенного немцами народного хозяйства на западе и на востоке Европы. Потери первых не шли ни в какое сравнение с потерями СССР. Рузвельт сам убедился в этом, приехав в Крым. Он полагал, что без помощи США Москве не обойтись. Стратегически США и Англия ничего не потеряли. СССР же оказался в абсолютно не равных с ними условиях (о чем писал Кеннан), и никакие уступки Сталину не могли покрыть колоссальные потери советской стороны. Подписывая секретное соглашение о вступлении Советского Союза в войну против Японии, предусматривавшее территориальные изменения в пользу СССР и обеспечение его преимущественных интересов в Восточном Китае, Рузвельт знал, что всех усилий Америки не хватит, чтобы предотвратить смерть старого Китая и победу нового, коммунистического Китая. По ряду признаков было ясно, что Рузвельт позволит китайским коммунистам занять постоянное место в Совете Безопасности ООН. В этом очень важном вопросе взгляды Рузвельта и Сталина во время их беседы “с глазу на глаз” 8 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце полностью совпали⁴⁷.

Разумеется, в Ялте Рузвельт был не в лучшей физической форме. Однако, как утверждает в своей признанной в Америке классической работе Д. Кеннеди, он “не сделал ничего такого, о чем бы как о неотложной задаче не заявлял в Тегеране, когда полностью владел собой и ничем не отличался от любого другого американского лидера, который мог оказаться в его положении”⁴⁸. Добавим – лучшим опровержением мифа о “сдаче” Сталину в Ялте больным Рузвельтом интересов западных союзников и Китая является картина фактического хода событий. Уже позабыто, что вопрос о вступлении СССР в войну против Японии поднимался еще до Тегерана и во время самой Тегеранской конференции. После 1943 г. высшая степень заинтересованности Рузвельта и военного командования США по вовлечению Советского Союза в эту войну документально подтверждается секретной перепиской Рузвельта и посла США в Москве Гарримана, который был “узлом связи” между президентом и Сталиным всю осень 1944 г., начиная с 19 августа. Самое существенное значение имели расчеты военных о затягивании войны и высоких американских потерях в случае отказа Москвы вступить в войну с Японией. Исходили из расчета, что без СССР США будут воевать с Японией до 1947 г. и потеряют сотни тысяч солдат.

Речь постоянно шла о планировании совместных операций на Дальнем Востоке, “когда СССР будет готов вступить в войну”, о подтверждении готовности СССР выполнить обещания, данные Сталиным в Тегеране в виде устных заявлений о переходе к военным действиям на Дальнем Востоке “в скором времени”, об “информировании Черчилля о контактах США и Советского Союза по поводу планов военных операций на Дальнем Востоке” (в октябре 1944 г. Черчилль находился в Москве) и т.д.⁴⁹ И все

⁴⁷ Крымская конференция, с. 142.

⁴⁸ *Kennedy D.M. Freedom From Fear. The American People in Depression and War, 1929–1945.* New York, 1999, p. 807.

⁴⁹ *FDRL, The White House, Map Room. FDR for A. Harriman, September 28, 1944.* Подробное рассмотрение этого вопроса см. *Фейс Г.* Черчилль, Рузвельт, Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. Пер. с англ. М., 2003, с. 229–234. Знаменательно, что под секретным соглашением о вступлении СССР в войну против Японии от 11 февраля 1945 г. стоят три подписи лидеров стран – участниц Крымской конференции. Первую подпись поставил Сталин, вслед за ним Рузвельт и Черчилль (см. Крымская конференция, с. 273, 274). Рузвельт первоначально посчитал нужным оставить под соглашением две подписи – свою и Сталина. Но в варианте документа, предложенном 10 февраля Молотовым, значилось три подписи. В конечном счете Рузвельт вслед за Сталиным посчитал это разумным и приемлемым. – *Plokhly S.M. Op. cit., p. 289.*

же о договоренностях, достигнутых задолго до Ялты, мы многого еще не знаем. Протоколы конференции не передают всех деталей и нюансов. Однако возвращение Южного Сахалина и передача Курильских островов Советскому Союзу, зафиксированные секретным соглашением 11 февраля 1945 г. вполне в духе формулы “четырёх полицейских”, должны были обеспечить безопасность СССР с его тысячами километров незащищенных естественных восточных границ и в регионе Тихого океана в целом. О заинтересованности США в вытеснении Японии из Китая, Юго-Восточной Азии, Океании, а заодно и прибрежных вод Южной Америки свидетельствовали ожесточенное сражение за Манилу и попытки спасти Чан Кайши от поражения на территории Китая.

Военное присутствие США по всему свету, создание военных баз “впрок”, подчинение экономическим и политическим путем огромных территорий, опоясывание их невидимыми нитями многочисленных клонов американских финансовых империй вполне сбалансировали ту благоприятную для СССР систему нового мироустройства, которая создавалась в Ялте. Был еще один не известный критикам внешней политики Рузвельта важный фактор, прибавлявший ему уверенности в том, что уступки Сталину не делают Запад слабее. Речь идет о завершении работ в Аламогордо (штат Нью-Мексико) над сверхоружием – атомной бомбой. Руководитель “Манхэттенского проекта” генерал Л. Гровс накануне Ялты самолично и через своих доверенных лиц информировал президента и госсекретаря Стеттиниуса о состоянии дел на финише работ, очевидно, с целью придания большей “устойчивости” позиции Рузвельта и его государственного секретаря в беседах со Сталиным и Черчиллем⁵⁰.

Но и без этого ощущение недостижимого уже никем опережающего темпа в гонке за сверхоружием от хранящего молчание Рузвельта передавалось Черчиллю, вызывая у него непрерывную смену настроения – от повышенного тонуса, как правило, в результате выпитого спиртного до нервической реакции в ответ на едкую иронию Сталина. Частично это объясняет и безоговорочную поддержку требований русских о восполнении ими потерь, нанесенных Японией в разное время. Вместе с тем никто из трех лидеров не пожелал в той или иной форме затронуть вопрос о бомбе, хотя все они (включая Сталина) были хорошо осведомлены о близости главного события ближайшего времени – появления оружия массового уничтожения.

Прямо эта версия подтверждается разговором Рузвельта с Черчиллем о предстоящем в сентябре первом испытании бомбы. Разговор этот состоялся на обратном пути из Ялты на борту крейсера “Квинси”, стоявшего на рейде возле Александрии, 15 февраля 1945 г.⁵¹ История с бомбой, признает один из ведущих американских историков внешней политики Рузвельта Р. Даллек, свидетельствовала о том, что три лидера “великой коалиции” временами были “такими же соперниками, как и союзниками”⁵². Он убежден, что еще во время визита Черчилля в Москву в августе 1942 г. (операция “Браслет”) было бы совершенно справедливо в обмен на информацию о знаменитой “Катюше”, переданную ему Сталиным, поделиться с советским лидером (хотя бы в самой общей форме) сведениями о работах над атомной бомбой, развернутых англо-американцами⁵³. В Москве Черчилль с видимым интересом внимал Сталину, сделав вид, что не понял намека.

В Ялте западные союзники тщательно избегали атомной темы, однако в наше время ряд серьезных исследователей говорят о намерении Рузвельта (неосуществленном)

⁵⁰ Norris R.S. Racing for the Bomb. South Royalton (Vermont), 2002, p. 325, 339.

⁵¹ Meacham J. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York, 2003, p. 325, 326.

⁵² Dullek R. The Lost Peace. Leadership in a Time of Horror and Hope, 1945–1953. New York, 2010, p. 34.

⁵³ Ibid., p. 35; Ржевский О.А. Указ. соч., с. 365.

сообщить Сталину о фактически уже готовом для применения “изделии” команды генерала Гровса⁵⁴. Документально эта версия остается неподтвержденной, но по факту тот же Даллек посчитал возможным сказать в своей последней работе “Потерянный мир”, что Сталин имел все основания подозревать союзников по меньше мере в лукавстве, которое прикрывалось “забывчивостью”. Могло ли это привести к разладу союзнических отношений накануне окончания войны? Даллек отвечает на этот вопрос утвердительно и делает вывод: “Просто сказанные самые общие слова о надеждах США и Англии на успешное завершение работ над супербомбой могли бы несколько ослабить скрытые трения между союзниками”⁵⁵. Этого не произошло, и Рузвельт уезжал из Ялты 11 февраля 1945 г. после подписания коммюнике о конференции, будучи вполне уверенным, что вскоре у него в руках окажется мощнейшее оружие, которое он сможет сполна использовать как инструмент дипломатии⁵⁶.

Три лидера проделали в Ялте огромный объем работы. Перечень важнейших тем, рассмотренных конференцией (делалось это, кстати, часто по инициативе Рузвельта), включал следующие: военные и политические вопросы, связанные с будущим Европы, Германии, Польши, со всемирной организацией, репарациями, военными действиями на Дальнем Востоке, и многие другие. С этим грузом беспримерной ответственности удалось справиться благодаря “рабочей” в лучшем смысле этого слова атмосфере Ялты, хотя еще накануне даже Гопкинс говорил о своих предчувствиях провала⁵⁷. Большую роль в опровержении всех дурных предсказаний сыграл Рузвельт. “Пассажир на конференции” – сказано было о нем в наспех склеенных зарисовках личного доктора Черчилля лорда Морана. Яркий пример врачебной ошибки!⁵⁸

Некоторое время даже существовало понятие “дух Ялты”, которое символизировало желание трех лидеров и дальше работать над нерешенными проблемами в рамках уже достигнутой ими степени взаимопонимания и молчаливой договоренности не превращать спор в конфликт, а конфликт – в тупиковую ситуацию. Чувствовать себя комфортно Рузвельту помогло и то, что Сталин, так же как и в Тегеране, но уже на правах хозяина предложил наделить президента США полномочиями председательствующего на первом заседании глав правительств. Оно открылось в 17 часов 4 февраля 1945 г. Показательно, что Рузвельт председательствовал на всех пленарных заседаниях, включая заключительное заседание конференции 11 февраля. Испытывая удовольствие от роли ведущего и модератора, он делал это охотно, в свободной манере, но не упуская основной нити дискуссии, концентрируясь на главном. Никаких казусов, связанных с недомоганием, у президента не возникло, и никем замечено не было. Он уверенно перенес длительное путешествие в Крым и обратно, что заняло больше месяца. И так же уверенно чувствовал себя на дружеских “семейных” застольях, которые требовали не только выдержки, но и стойкости – из-за хлебосольства гостеприимных хозяев⁵⁹.

⁵⁴ *Kimball W.F.* Op. cit., p. 236, 237.

⁵⁵ *Dulles R.* Op. cit., p. 35, 36. Есть определенные основания считать, что в застольной речи 8 февраля 1945 г. в Юсуповском дворце, говоря о непозволительности обмана в союзнических отношениях, Сталин думал примерно о том же. См. *Черчилль У.* Вторая мировая война. Сокр. пер. с англ. в 3-х кн., кн. 3. М., 1991, с. 520–523.

⁵⁶ Деля такой вывод, видный американский историк М. Шервин дополняет его многозначительным рассуждением о том, что Рузвельт, не отказываясь от формулы “четырёх полицейских”, тем не менее, полагал, что только двое из них (США и Англия) будут владеть бомбой. – *Sherwin M.J.* The Atomic Bomb and the Origin of the Cold War. – *Origins of the Cold War. An International History.* Ed. by M.P. Leffler, D.S. Painter. London, 1994, p. 84.

⁵⁷ FDRL, Anna Roosevelt-Holsted Papers, box 15. Anna Boettiger Notes, February 2–9, 1945.

⁵⁸ *Moran Ch.* Op. cit., p. 234.

⁵⁹ *Рузвельт Э.* Указ. соч., с. 265. Трудоспособности президента мог бы позавидовать и начинающий политик. “Сколько вам лет, мистер президент?”, – спросил бойкий репортер во время пресс-конференции в Белом доме. Это было как раз накануне Крымской конференции. “Если верить календарю, 62 года, но, когда я работаю, я чувствую себя 30-летним”, – ответил Рузвельт. (*Thomas H.* Front Row at the White House. My Life and Times. New York, 1999, p. 230).

Сказанное имеет прямое отношение еще к одному важному вопросу, привлекающему к себе внимание и вызывающему различные толкования уже много лет. Речь идет о физическом состоянии 63-летнего президента, прикованного к инвалидной коляске, но решившего во что бы ни стало осилить путешествие в Крым и испытавшего множество неудобств от пятичасового автомобильного переезда из Саки в полуразрушенную Ялту, а затем снова в Саки с ночевкой в Севастополе на борту американского вспомогательного судна “Катоктин”.

Еще осенью и зимой 1944 г. Рузвельт пережил серьезный стресс, его мучили частые простуды, которые не столько изматывали его физически, сколько вызывали досаду и заставляли менять привычный распорядок дня по настоянию врача-терапевта адмирала Росса Макинтайра и кардиолога доктора Говарда Брюнна. Врачи диагностировали у президента гипертонию, острый бронхит и признаки переутомления, следствием которого были бессонница и головные боли. Правда, и Черчилль примерно в то же время жаловался, что хотя спит хорошо, ест хорошо и особенно хорошо принимает спиртное, но уже не вскакивает утром бодро с кровати, как бывало раньше. Однако в отличие от британского премьера Рузвельт уже и забыл, что такое бодро вскочить поутру. Почти четверть века назад, в один из августовских дней 1921 г., он оказался буквально сбит с ног вирусом полиомиелита. Единственной компенсацией этой трагедии, как вспоминала Элеонора Рузвельт, были необычайная стойкость духа ее супруга, его удивительная способность самовнушением психологически купировать последствия страшной болезни. “Франклин никогда, никогда не оставлял надежду, что снова сможет ходить”, – говорила она⁶⁰. Дочь Гарримана Кэтлин, встретившая президента в Ялте по приезде из Саки, писала в частном письме в Лондон, что он был “в прекрасной форме”⁶¹.

О волевых качествах Рузвельта, его нацеленности на результат, умении адаптироваться к различным условиям, выдержке и находчивости в присутствии армии небеспристрастных журналистских “перьев” в Овальном кабинете во время пресс-конференций или общения с иностранными политическими деятелями, дипломатами и активистами народных движений было сказано немало. Встречи лидеров стран, входивших в годы Второй мировой войны в антигитлеровскую коалицию, занимают в этом отношении особое место. Крымская конференция была последней в череде (каждая с разным знаком) этих исторических встреч. По-своему она явилась кульминацией в политической биографии Рузвельта. Оценки ее неоднозначны и зачастую не историчны. Но все больше авторов выносят свой научно обоснованный, реалистический вердикт, как это делает, например, Киссинджер, следуя за Боленом: дипломатия Рузвельта в Ялте была эффективной⁶².

К числу таких авторов нужно отнести и польского историка С.М. Плохи. Подводя итоги своим изысканиям, нашедшим отражение в книге “Ялта. Цена мира”, он пишет: “Мысль, которую большинство американских и британских исследователей, кажется, разделяют, состоит в том, что, хотя он находился не в лучшей форме, президент Рузвельт продемонстрировал умение контролировать дискуссию по обсуждаемым на Крымской конференции главным вопросам. В ходе конференции Рузвельт показал свою фирменную способность выстраивать союзы, идти на соглашения и маневрировать с целью достижения главных целей. Не было ни одного эпизода в Ялте, когда бы он, застигнутый врасплох, уступил по важным вопросам, действуя вразрез с выработанной заранее позицией или не проконсультировавшись со своими советниками. Замечательно прослеживалась последовательная линия между позицией Рузвельта в Ялте и Тегеране. Было очевидно, что он утомлен и хотел

⁶⁰ См.: *Meacham J.* Op. cit., p. 26.

⁶¹ *Ibid.*, p. 315, 316.

⁶² См.: *Bohlen Ch.E.* Witness to History, 1929–1969. New York, 1963, p. 172.

бы ускорить завершение конференции, но не покинул Ялты, пока не достиг своих главных целей”⁶³.

Тема физического нездоровья Рузвельта с самого появления Ялты в дипломатической хронике антигитлеровской коалиции была связана, как уже отмечалось выше, с мифом об измене Западу. Еще Р. Шервуд, спичрайтер Рузвельта и автор известной книги о “тандеме” Рузвельт–Гопкинс, столкнулся с развернутой кампанией посмертного шельмования Рузвельта, флагманом которой оказался Черчилль. «Я слышал, – писал Шервуд Стеттиниусу в 1949 г., – как он не раз говорил о ФДР как “об умирающем в Ялте человеке”»⁶⁴. И эта “линия погребения”, копание в истории болезни Рузвельта продолжают и в наше время. Достаточно назвать книгу Р. Феррела “Умирающий президент: Франклин Рузвельт, 1944–1945 гг.”, изданную в 1998 г.⁶⁵

По поводу этой версии скажем, что Рузвельт был абсолютно адекватен и тогда, когда проводил свою четвертую избирательную кампанию в конце 1944 г., и тогда, когда участвовал в напряженных дискуссиях в Ялте, и тогда, когда по дороге домой, за тысячи миль от Ялты, на борту крейсера “Квинси”, ожидавшего его возвращения из Крыма в Суэцком канале, принимал по очереди египетского короля Фарука, императора Эфиопии Хайле Селасие и короля Саудовской Аравии Ибн Сауда, а затем еще и Черчилля, нагрянувшего с прощальным визитом. Словесные дуэли, как отмечали окружавшие президента советники, даже вызывали у него прилив сил и энергии, а присущее чувство юмора не позволяло ему ожесточаться, отвергая аргументы оппонентов в спорах.

Мы располагаем еще одним достоверным свидетельством физической стойкости Рузвельта в экстремальных условиях дипломатического марафона, каким была для него Крымская конференция и последующие события. Речь идет о неизвестном документе, который хранится в Нью-Йоркской публичной библиотеке и является описанием путешествия Рузвельта и сопровождавших его лиц в Крым и обратно на родину на крейсере “Квинси”⁶⁶. Эту историю в виде дневниковых записей оставил нам матрос с “Квинси” по имени Пауль Тейлор, оказавшийся, что называется, в нужное время и в нужном месте. Его рассказ представлен на 70 страницах рукописного текста, весьма грамотно зафиксировавшего все, что он видел и слышал с 23 января по 27 февраля 1945 г., находясь в составе команды крейсера, которая служила одновременно и эскортом, и охраной президента.

Выходец из простой семьи, боготворивший Рузвельта Пауль Тейлор получил неожиданную возможность видеть президента (как правило, в обществе дочери Анны) с очень близкого расстояния, слышать его реплики и даже, находясь в группе рядовых моряков, вести короткие беседы с ним. Первое впечатление моряка о Рузвельте после выхода из Ньюпорта-Ньюс было грустным: “очень больной человек”, измотанный перипетиями избирательной кампании. Зато второе, после возвращения президента из Ялты снова на борт “Квинси”, – прямо противоположным: президент выглядел бодрым, был расположен пошутить, порасспрашивать матросов на палубе об их каждодневных делах и пообещал скорое окончание войны. Этот словно бы сбросивший с плеч огромный груз и явно довольный проделанной работой пожилой мужчина был очень похож на знакомого всем президента Рузвельта – человека с “миллиондолларовой улыбкой”, сигаретой с мундштуком во рту и верного обычаю посещать воскресную службу. Все находившиеся на корабле люди из окружения Рузвельта говорили об успехе конференции, местонахождение которой, между прочим, оставалось неизвест-

⁶³ Plokhly S.M. Op. cit., p. 400.

⁶⁴ Мальков В.Л. Из личной переписки Р. Шервуда, с. 167.

⁶⁵ Ferrell R.H. The Dying President: Franklin D. Roosevelt, 1944–1945. Columbia University of Missouri Press, 1998.

⁶⁶ New York Public Library, Franklin D. Roosevelt Collection, U.S. Navy, Paul F. Taylor, “M”, Division, U.S.S. “Quincy”.

ным команде “Квинси” вплоть до 12 февраля 1945 г., т.е. до того дня, когда Ялта была уже далеко позади.

До самого конца оставаясь в инвалидной коляске и испытывая огромные перегрузки, Рузвельт сохранял великолепное духовное и интеллектуальное здоровье. Говорят, он был загадкой даже для людей из своего семейного круга. Во всяком случае, немногие из близких Рузвельту людей и в мирное время могли знать наверняка о его планах на перспективу. Неизвестно, например, отдал ли бы он приказ бомбардировать Хиросиму и Нагасаки. И в то же время нет сомнений, что, если бы Рузвельт остался жив, он отговорил бы Черчилля от его печально знаменитой речи в Фултоне 5 марта 1946 г.